

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АНТИЧНОСТИ В МИРОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ»

(Москва, Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова,
29–30 января 2016 г.)

29–30 января 2016 г. на историческом факультете МГУ состоялась Международная научная конференция «Экономическая история античности в мировой историографии», посвященная памяти многолетнего заведующего кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ, выдающегося исследователя экономической истории древнего Рима профессора Василия Ивановича Кузичина (1930–2013). В работе конференции приняли участие профессоры и преподаватели МГУ, университетов России и Финляндии, сотрудники Института всеобщей истории РАН, музеев Москвы.

Конференцию открыл декан исторического факультета МГУ, доктор искусствоведения, профессор *И. И. Тучков*. Во вступительном слове он поделился воспоминаниями о В. И. Кузичине, отметил, что Василий Иванович был одним из лидеров исследований экономической истории античности в отечественной науке, и выразил удовлетворение, что это направление продолжает развиваться на кафедре истории древнего мира.

Работа конференции проходила в трех секциях: «Теоретические проблемы и история изучения экономики древности», «Экономическая история древней Греции» и «Экономическая история древнего Рима и Причерноморья».

Секция «Теоретические проблемы и история изучения экономики древности» открылась докладом *С. Г. Карнюка* (Москва) «Экономическая история классической Греции в трудах Эмили Грейс (Казакевич)»¹, посвященным влиянию трудов этой исследовательницы на развитие советского антиковедения. Эмили Грейс (1911–1986), американская исследовательница древности, приехавшая в СССР в 1949 г., еще до своей эмиграции из США изучила русский язык и проявляла интерес к советской историографии античности и марксистской теории. Ее стремление к изучению истории античности с марксистских позиций было достаточно полно реализовано в период ее работы в Институте истории (с 1968 г. – Институт всеобщей истории) АН СССР в 1953–1984 гг. Основной темой ее исследований было античное рабство. Докладчик отметил также взаимовлияние работ Эмили Грейс и Мозеса Финли, который в конце 1950-х годов отошел от тематики микенской Греции и также занялся исследованием рабства.

В докладе *А. В. Махлаюка* (Нижний Новгород) «Римская империя как экономическое пространство» были выделены и охарактеризованы факторы, благоприятствовавшие хозяйственной интеграции обширной и весьма разнородной имперской территории. Было отмечено, что в современной историографии со времен М. Финли экономическое единство и интегрированность Римской державы I–II вв. н.э. часто ставятся под сомнение, однако в последнее время наблюдаются тенденции рассматривать римскую экономику как одну из самых успешных традиционных имперских экономик в истории, далекую от примитивизма и включавшую элементы капитализма «отноудь не в эмбриональной форме» (В. Харрис). Среди факторов, способствовавших экономической интеграции, докладчик выделил наличие системы связей по Средиземному морю, развитой транспортной сухопутной инфраструктуры, единого правового и культурного пространства, единой денежной системы, высокой, хотя и неоднородной урбанизации. Благоприятное влияние оказал также приток в экономику денежных средств, вызванный сокращением ко II в. н.э. военных расходов.

¹ Доклад подготовлен в рамках проекта РГНФ № 16-01-00334 «Эмили Грейс (Казакевич) и Мозес Финли: эмиграция и проблемы интеграции ученого-гуманитария в научное сообщество».

И. А. Ладынин (Москва) в докладе «Об одном сюжете социальной истории древнего Египта III тыс. до н.э.» обратился к фундаментальному вопросу о судьбе сельской общины в древнеегипетской социальной структуре. Как известно, единственное достоверное свидетельство ее существования в древнем Египте — это сообщение автобиографии Мечена о покупке им земли у коллектива *несутиу* («царских»). Судя по размеру этого участка, он исходно действительно принадлежал целому общинному коллективу; при этом в титулатурах чиновников III тыс. до н.э. управление *несутиу* часто совмещается с управлением *суну* — некими хозяйственными единицами, в обозначении которых присутствует знак, изображающий башню. По мнению докладчика, само это обозначение также ассоциируется с общинным бытом и может восходить к архаичной традиции общинных домов со складами (ср. *димту* в хурритском мире). Судя по данным надписи Мечена и распространению титулов вельмож, содержащих эти термины, процесс интеграции общин в государственное хозяйство мог занять время III–V династий, он происходил быстрее в Дельте и медленнее в Верхнем Египте.

Тема доклада *Б. С. Ляпустина* (Москва) — «Современные направления исследования древнеримской экономики и античная форма собственности». Автор проанализировал новые подходы к изучению хозяйственной жизни в античности и отметил недостатки распространенного в англоязычной литературе дедуктивного метода: стремление построить модели античной экономики, опираясь на искусственно вычисленные среднестатистические данные, ведет к возрастанию степени ошибок и искажению исторических реалий. Был проанализирован также подход французского историка Ж. Андро, предложившего исследование экономики принципата через призму теории движения капиталов и платежного баланса. С точки зрения докладчика, оптимальным является изучение античной экономики на основе цивилизационного подхода М. А. Барга, этот подход учитывает такие категории, как *civitas* и *familia*, без которых невозможна характеристика античной формы собственности.

Секцию «Экономическая история Древней Греции» открыл доклад *В. М. Строговецкого* (Нижегород) «Социально-экономические и правовые основы эволюции Афинского морского союза». По мнению автора, проблема эволюции Афинского морского союза тесно связана с проблемой сущности древнегреческого полиса. Согласно установившейся в отечественной историографии точке зрения, полис и город в Древней Греции выражали две противоположные тенденции: город был связан с развитием частной собственности, полис же олицетворял господство античной формы собственности, сочетавшей частную и государственную. Докладчик же считает, что эта интерпретация нуждается в уточнении. Согласно Фукидиду, существование города в Греции предшествовало возникновению полиса; а согласно Аристотелю, полис и город неразделимы, но если в городе решались проблемы социально-экономические, то в полисе — социально-политические и правовые. Соответственно, следует обращать большее внимание не на противоположность этих понятий, а на их сосуществование и взаимодействие в сознании древних греков.

И. Е. Суриков (Москва) в докладе «Как экономические реформы Солона повлияли на развитие афинского полиса?»² отметил, что, хотя значение экономических реформ Солона не приходится отрицать, не каждая из конкретных интерпретаций механизмов их влияния будет верной. С точки зрения докладчика, не стоит преувеличивать позитивную роль сисахии (отмены долгов) как экономической меры. Напротив, такие реформы, как поощрение ремесел и интенсивного оливководства, во многом изменили весь облик Афин, хотя они, как и метрологическая реформа, не могли сразу принести ощутимых результатов. Несколько десятилетий непосредственно после преобразований Солона были для Аттики очень тяжелым временем. Закончились же смуты, как известно, установлением тирании Писистрата. Писистрат фактически явился продолжателем дела Солона и во многом довел до конца то, что не успел мудрец-законодатель.

В докладе «Проблемы финансирования афинских праздников» *Т. Б. Гвоздева* (Москва) рассмотрела вопрос финансирования афинских праздников, разобрав его на примере Панафинейского праздника, который в эпоху Афинского морского союза являлся самым главным государственным праздником Афинской Архэ. Вместе с четырехлетними Великими Панафинейями продолжались ежегодные Малые Панафинейи. Одним из интересных источников по Малым Панафинейям является датирующийся 336/5 или 335/4 гг. до н.э. закон и декрет Ликурга,

² Доклад подготовлен в рамках проекта РГНФ № 14–01–00018 «Законодательная и реформаторская деятельность Солона в контексте истории архаической Греции».

который представляет собой два фрагмента: фрагмент А (IG II² 334, lin. 1–25) — закон для номофетов; фрагмент В (lin. 26–61) — декрет для демоса. На его основании мы можем судить о структуре праздника и его участниках.

Е. В. Бульчева (Москва) в докладе «Обязанности арендодателей священной земли в Аттике в IV в. до н.э.» отметила, что до нашего времени дошло немало свидетельств о сдаче в аренду священной земли в Аттике в классическую эпоху; при этом особенно большое количество текстов относится к IV веку до н.э. Автор обратилась к наименее изученным правовым аспектам аренды священных земель: обязанностям арендодателей, в качестве которых выступали деды, фратрии и религиозные ассоциации, в первую очередь оргеоны. Был сделан вывод, что арендодатели, как основные организаторы сделки, имели права, но при этом они несли ряд обязанностей, связанных с уплатой налогов, а также с финансированием различных празднеств и церемоний полиса.

А. В. Стрелков (Москва) в докладе «О начале обращения бронзовой монеты в Древней Греции» указал, что гипотеза М. Прайса о последовательности, в которой в греческих полисах распространялась практика чеканки бронзовых монет, нуждается в корректировках. По мнению М. Прайса, чеканка бронзовых монет началась в полисах Сицилии приблизительно в середине V в. до н.э., и лишь в первой половине IV в. до н.э. она становится популярной в Балканской Греции, на островах Эгейского моря и на побережье Малой Азии. Однако в произведениях афинских комедиографов, а также у позднеантичных и византийских авторов сохранились упоминания о бронзовых разменных монетах под названием «коллибы», которые имели хождение в Афинах уже в 20-е годы V в. до н.э. В 406 г. до н.э. был осуществлен выпуск еще одного вида бронзовых монет — это были так называемые «деньги чрезвычайных обстоятельств». В 390-е гг. до н.э. бронзовые монеты чрезвычайного выпуска 406 г. до н.э. были приравнены по своему номиналу к коллибам, а затем хождение всех бронзовых монет было вообще запрещено. Однако развитие товарно-денежных отношений, потребности мелкой розничной торговли в Афинах привели к необходимости возобновить практику выпуска бронзовых разменных монет в середине IV в. до н.э.

В. С. Ленская (Москва) в докладе «Проблемы финансирования полисных культов» поставила следующие вопросы: что следует считать полисным культом; каковы были источники его финансирования; каков был механизм распределения средств между разными культами; какие должностные лица были связаны с финансированием полисных культов. Автор привела различные точки зрения по данным вопросам; все они сходятся в том, что источники финансирования в полисных культах должны были быть государственными и оно осуществлялось из сокровищницы того или иного божества. Что касается механизма распределения денег между разными культами, то, по мнению автора, источниками финансирования культов были, по большей части, средства от сдачи в аренду священных участков богов. Начиная с IV в. до н.э., после введения новых дорогих жертвоприношений, привлекались и средства из общего бюджета.

Работу секции «Экономическая история Древнего Рима и Причерноморья» открыл доклад *С. Ю. Сапрыкина* (Москва) «Экономическая политика понтийских и боспорских царей на рубеже нашей эры», в котором разбирались вопросы, связанные с состоянием сельского хозяйства в Понтийском и Боспорском царстве, а также некоторые экономические проблемы этих двух государств. Автор пришел к выводу, что по примеру родового государства в понтийской Каппадокии и Пафлагонии Митридат VI Евпатор разрешил крупнейшим боспорским городам иметь в своем распоряжении небольшие земельные участки, которые были поделены между гражданами этих полисов. Это решение было связано с полисными привилегиями, которые Митридат VI Евпатор давал грекам, чтобы привлечь их на свою сторону. Однако после 75 г. до н.э. отношение Митридата Евпатора к грекам изменилось, привилегии полисов и их права автономии были урезаны, в результате чего земельные владения, которыми эти полисы обладали, оказались под юрисдикцией царской власти.

Тема доклада *И. А. Гвоздевой* (Москва) — «Император Август и новая экономическая политика Рима». Автор отметила, что для архаических обществ сложно вводить понятие экономической политики государства, а изучая экономическую политику Августа, особое внимание стоит уделять аграрной сфере. Формированию экономической политики способствовала агрименсура, т.е. система организации земель для ее эксплуатации, которая создала научно-техническую базу для каждого элемента экономической и социальной жизни. Чрезвычайно важно, что именно в начале Империи сформировалась и категория *dominium* на землю, которая теперь неоспоримо существовала как на практике благодаря римской агрименсуре, так и в римском земельном праве. Особой заслугой Августа стало то, что он смог на практике продемонстрировать отличие земли в *dominium* от

possessiones. Последние возникали на землях, непригодных для пахоты (леса, выгоны, реликты), однако на лимитированных площадях ветеранских колоний образовывались и «отрезки» (subsecivi) от межевания. Именно на них Август разрешил создавать possessiones на условиях аренды. Таким образом, Август не только продемонстрировал достижения новых систем межевания, но связал их со всеми устоявшимися нормативами римского земельного права.

Е. В. Ляпустина (Москва) в докладе «Древняя Кампания: ресурсы, демография, урбанизация (новые исследования на конференции в Риме 9–10 декабря 2015 г.)» рассказала о докладах, прозвучавших на конференции, посвященной результатам международного проекта, объединившего ученых из Италии, Франции, Великобритании и Нидерландов и посвященного изучению динамики соотношения численности населения и использования природных ресурсов в античном Средиземноморье. На материале Кампании рассматривались особенности урбанизации отдельных районов в эпоху Республики, в том числе в связи с римской колонизацией; вопросы экономики города на примере Помпей; возможности анализа органических остатков (пыльцы) для реконструкции аграрного пейзажа Кампании в древности. Особое внимание в докладе было уделено «круглому столу», посвященному проблемам демографической и социальной интерпретации *album Herculaneum* (CIL X. 1403) — надписи, содержащей несколько сотен имен, среди которых непропорционально много принадлежащих вольноотпущенникам.

В. В. Ханаев (Севастополь) в докладе «Торгово-экономический баланс византийского Херсона в X веке» выделил несколько составляющих, на которых основывалась экономика Херсона X — начала XI в. Это перепродажа в империю импортного сырья (шкур и воска, покупавшегося у печенегов, вероятно, нефти, закупавшейся на азиатском Боспоре у местных народов — зихов, или адыгов, — или у хазар); перепродажа печенегам византийской готовой продукции (тканей, кожаных изделий, украшений, пряностей и иных товаров); добыча соли, ловля рыбы и ее засолка в товарных количествах. Продовольственная безопасность города напрямую зависела от возможности обменивать «в Романии» товары печенежского экспорта на византийское продовольствие. Внешнеторговая и промысловая деятельность приносила местной элите крупные доходы, из которых Херсон платил имперские налоги на общих основаниях. Финансовая состоятельность позволяла горожанам закупать жизненно важные продукты питания за морем, но все это делало городскую экономику полностью зависимой от имперской. Херсон был частью имперской экономической системы, занимаемая в ней свою, и довольно значительную, нишу.

М. В. Дурново (Москва) в докладе «*Vilica* в сельском имении: новые подходы» отметил, что, с одной стороны, первенствующее положение в системе управления виллой занимал виллик, осуществлявший управление имением, самостоятельно организовывавший рабский коллектив и принимавший решения в сфере своего ведения. С другой стороны, хотя виллика была подчинена ему и ее деятельность контролировалась им, на основании данных трактата Колумеллы о сфере компетенции и функциях виллики ее по праву можно считать самостоятельным управляющим. Попытка пересмотреть роль виллики в системе управления виллой и показать ее более самостоятельной и обладающей более высоким статусом, чем предполагалось ранее, вообще составляет характерную черту в историографии последних десятилетий. В этой связи докладчик особо выделил работы У. Рот, однако назвал ее попытки решительно опровергнуть традиционные представления о личной связи виллика и виллики как о по преимуществу «супружеской» поспешными.

В докладе *М. Н. Кирилловой* (Москва) «*Pascua* на *ager publicus* в конце II в. до н.э.» была поднята проблема правовых и экономических аспектов использования общественных земель в качестве пастбища. Известно, что конец II в. до н.э. ознаменовался реформами братьев Гракхов, которые включали в себя мероприятия в аграрной сфере, призванные смягчить назревающие в этой области противоречия. Античные авторы, прежде всего Плутарх и Аппиан, в качестве причин возникшего аграрного кризиса называют незаконные оккупации частными лицами общественной земли и разорение мелких собственников. Автор обратила внимание на иной способ использования общественной земли — в качестве общественных пастбищ. Анализ имеющихся эпиграфических и нарративных свидетельств позволяет сделать вывод о многочисленных нарушениях, сопровождавших образование на общественной земле пастбищ, и о попытках борьбы с этими нарушениями римских властей.

Во второй день конференции был проведен Круглый стол, на котором состоялось обсуждение доклада *А. В. Коттева* (Тампере, Финляндия) «Римская *familia* и центуриатная реформа Сервия Туллия: к вопросу об экономическом развитии раннего Рима». Докладчик задался вопросом о том, как мог рассчитываться ценз для сыновей, подвластных *pater familias*. Эта проблема

возникает, поскольку, по описаниям античных авторов, центуриатная система Сервия Туллия предполагала имущественный ценз, а собственником имущества в Риме считался не каждый гражданин, но только *pater familias*. Для решения этой проблемы докладчик обратился к вопросу о генезисе римской фамилии как правового института. По его мнению, римская *familia* начала складываться прежде всего в среде патрициев. При ее формировании особое значение имел переход на гоплитское войско, поскольку покупка необходимого снаряжения была достаточно дорогостоящим делом, и концентрация материальных ресурсов для этого способствовала формированию фамилии и власти ее главы над ее членами и семейным имуществом. Старший в фамилии мужчина (*pater*) стал ответственным перед обществом за содержание одного или нескольких воинов, на обеспечение которых работала вся семейная община, состоявшая из его сыновей, внуков и правнуков. Пример патрицианских фамилий и рост их благосостояния, основанный на захвате добычи после успешных военных походов, оказался привлекательным и для незнатных граждан, прежде всего из числа клиентов. Превращение войн в регулярные увеличивало продолжительность кампаний и численность воинов, так что проблему их содержания решило введение платы воинам в 406 г. до н.э. Как пишет Ливий, оно имело обратную сторону в виде учреждения имущественного ценза для уплаты трибута. С этого времени фискальной единицей стала фамилия, что способствовало закреплению этого института в праве и распространению принципа подчинения отцовской власти на все общество. В 240-х годах была проведена новая центуриатная реформа, которая подвела итог этому процессу, результаты же его римские историки приписали затем древнему царю Сервию Туллию.

Доклады, представленные на конференции, сопровождались подробным обсуждением. Общее мнение участников свелось к необходимости продолжения исследований в области экономической истории древности и желательности организации площадки для их регулярного обсуждения, которой могут стать Научные чтения, посвященные памяти Василия Ивановича Кузищина.

Maria N. Kirillova
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
marikirillova@yandex.ru

М.Н. Кириллова,
аспирант, Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Tatiana B. Gvozdeva,
Maxim Gorky Literature Institute,
Moscow, Russia
tbgvozdeva@rambler.ru

Т.Б. Гвоздева
к.и.н., Литературный институт имени
А.М. Горького,
Москва, Россия

Vestnik drevney istorii
77/2 (2017), 488–496
© The Author(s) 2017

Вестник древней истории
77/2 (2017), 488–496
© Автор(ы) 2017

**V МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СЛОВО И АРТЕФАКТ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ
К ИЗУЧЕНИЮ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ»
(Саратов, 23–25 сентября 2016 г.)**

23–25 сентября 2016 г. кафедра истории древнего мира Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского совместно с Институтом археологии и культурного наследия провела V Международную научную конференцию «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории». Конференция проводилась при поддержке Южно-Российского центра археологических исследований. В ходе заседаний прозвучали доклады исследователей из Астрахани, Екатеринбурга, Казани, Краснодара, Москвы, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Саратова, Самары, Тобольска и Челябинска. В конференции приняли участие исследователи из Киева и Вроцлава.

На пленарном заседании, которое состоялось 23 сентября, в приветственном слове проректор по научно-исследовательской работе Саратовского университета проф. *А. А. Короновский* положительно оценил сложившуюся традицию проведения в СГУ крупных антиковедческих конференций в рамках междисциплинарных подходов и пожелал всем участникам конференции плодотворной работы. С приветственным словом на пленарном заседании выступили директор Института истории и международных отношений СГУ проф. *Т. В. Черевичко* и заведующий кафедрой истории древнего мира, руководитель Института археологии и культурного наследия СГУ, д.и.н., проф. *С. Ю. Монахов*.

Заседания первого дня (председатели – И. Е. Суриков и Е. В. Ляпустина) открыл доклад *Е. И. Соломатиной* (Москва) «Эолийская колонизация: мифы и археология». На примере эолийской миграции, историчность которой до последнего времени редко подвергалась сомнению, автор показала, как переосмысление старых археологических данных (прежде всего, керамических комплексов), изменение ракурса рассмотрения мифологической традиции, а также накопление новых знаний в области лингвистики, привело не к прояснению существовавших проблем, а, наоборот, к их усложнению. На настоящий момент объяснение присутствия на Лесбосе в исторические времена говорящих на лесбосском диалекте миграцией эолийских племен из материковой Греции не имеет поддержки лингвистов, так как миграция, по их мнению, не представляет собой единственного и наиболее вероятного механизма распространения языка и диалектов. К тому же и традиционный взгляд на эолийскую диалектную семью в последнее время подвергся радикальному пересмотру. *М. Ю. Лантева* (Тобольск) в докладе «“Темные века” в истории Старой Смирны: нарративная традиция и археология» обратила внимание на лакуны в нарративной традиции относительно истории города после захвата его в конце VII в. до н.э. лидийским царем Алиаттом. Данные, полученные в результате исследования археологических слоев Старой Смирны и ее хоры VI–IV вв. до н.э., не позволяют согласиться с укоренившимся в научной литературе мнением, что этот ионийский город был полностью разрушен Алиаттом и влачил жалкое существование вплоть до возрождения его Александром Македонским.

В докладе *С. И. Лукьяшко* (Ростов-на-Дону) «Античная мифология и археологические реалии (Амазонки – истоки мифологической традиции и археологические фантазии)» внимание было акцентировано на том, что амазонки являются плодом мифологического сознания и как мифологический образ должны изучаться методами исследования этой своеобразной формы общественного сознания. Докладчик отметил, что амазонки располагались античными авторами на границе ойкумены и таким образом маркировали пространственные представления греческого мира. Первоначально появляются они у Гомера и привязываются к Малой Азии. По мере освоения греками новых земель, амазонки появляются у Танаиса и на Кавказе. Пространственное видение приводило к появлению вторичной мифологии, когда новые поселенцы сталкивались с варварскими народами, женщины которых скакали на лошадях и стреляли из луков. В греческой мифологии возникли этиологические мифы типа так называемого генеалогического мифа о савроматах. Эмоциональные трактовки археологами существовавших в кочевнической культуре обрядов погребения женщин с оружием, никакого отношения к греческой мифологии не имеют и дезориентируют читателей этих трудов, приводя к наивным представлениям о реальности фантазийного мира. Семантика образа амазонок в греческой мифологии понимается автором из представлений характерных для греческой и не только культур об опасности, сопровождающей женщину: от образа Пандоры до Елены Прекрасной, метко охарактеризованной Гесиодом в наставлении беспутному брату Персу (Гесиод. Работы и дни. 371). Опасность, исходящая от женщины, метафорически была выражена в образе вооруженной женщины-амазонки. *И. Е. Суриков* (Москва) в докладе «Артефакты, известные только через посредство нарратива: аксоны и/или кирбы Солона» поставил вопрос о тех предметах, на которые знаменитый афинянин в 594 г. до н.э. приказал нанести свои законы. Проанализировав имеющуюся традицию, автор пришел к выводу, что аксоны и кирбы – не два разных вида артефактов, а два слова, обозначающих одно и то же.

А. М. Беликов (Санкт-Петербург) в докладе «Торговля опиумом в Восточном Средиземноморье позднего бронзового века» рассматривал получившую широкое распространение гипотезу британского исследователя Р. Мерреллиса о том, что кувшинчики с круглым основанием (base-ring juglets), имеющие форму маковой коробочки, экспортировавшиеся в середине и второй половине II тыс. до н.э. с Кипра и обнаруженные в больших количествах на территории Сирии, Палестины, Египта и Нубии, представляли собой тару для хранения и перевозки жидких растворов, содержащих опиум. Под влиянием данной гипотезы Кипр часто воспринимается в качестве свое-

образного центра древнего производства и потребления данного наркотического средства. В этой связи многие предметы материальной культуры были ошибочно интерпретированы в качестве принадлежностей для употребления опиума, как, например, найденные при раскопках города Китион трубка и цилиндрический сосуд (а один из слоговых знаков кипро-минойского письма, нанесенный на оба предмета, — как идеограмма, обозначающая опиум). По мнению автора доклада, к данной гипотезе следует относиться более осторожно, а сходство кувшинчиков с маковой коробочкой может быть объяснено, например, тем, что масло, получаемое из семян мака, могло использоваться при изготовлении ароматических масел, для перевозки которых данные сосуды вероятнее всего использовались.

На вечернем заседании (председатели — Б. А. Раев и Е. И. Соломатина) был заслушан доклад *Н. С. Асташовой, О. Ю. Самар, В. П. Толстикова и О. В. Тугушевой* «Древнейшие образцы керамики из Пантикапея». Керамика конца VII — первой половины VI в. до н.э., в том числе расписная восточногреческая, неоднократно встречалась на различных участках изученной территории Пантикапея, но только в перемещенном состоянии. В результате исследований Боспорской (Пантикапейской) экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина в 2010–2016 годах на Новом Верхнем Митридатском раскопе впервые в истории археологических исследований на Митридате были открыты надежно датированные, сооруженные на материковом грунте древнейшие остатки наземных монументальных построек, перекрытые мощным слоем пожарища. Слой содержал мало датирующего материала, однако удалось выделить некоторые фрагменты рубежа VII–VI вв. до н.э. Среди них можно отметить две фрагментированные протокоринфские котилы с фризами сововой охоты на зайца, фрагмент края лаконского кубка, край чаши с птицами, а также ряд обломков ранее не выделявшейся исследователями группы расписной анатolianской керамики. Доклад *А. М. Бутягина* (Санкт-Петербург) «Акинак и махайра: вооружение раннего Боспора» был посвящен проблеме «погребений с оружием», распространенных на Боспоре во второй половине VI–V в. до н.э. В последнее время такие погребения атрибутируются как греческие, а наличие в них мечей исключительно варварских типов трактуется как полное заимствование греками вооружения и тактики местных племен. Между тем соотношение между формами этого вида вооружения в находках из одновременных городских слоев демонстрирует превосходство оружия греческих типов (*махайр*). В этом случае представляется более логичным говорить об инфильтрации в состав населения боспорских городов большого числа наемников или союзников из местных, в первую очередь обитавших в Прикубанье племен, что вполне объяснимо в условиях острого конфликта со степными номадами.

В докладе *Н. Б. Чурековой* (Саратов) «Агора в пространстве древнегреческого города» затрагивались проблемы расположения и функций одной из главных структурных составляющих античного города — агоры. На примерах таких городов, как Афины, Коринф, а также ряда колоний Великой Греции и Северного Причерноморья, автор рассуждает о специфике функционирования агоры и указывает на перспективность решения проблемы определения статуса поселения через полисную функцию агоры. *А. В. Буйских* (Киев) в докладе «Клазоменский кратер из Борисфена» подробно рассмотрела редкий сосуд, отражающий начальный этап формирования чернофигурного стиля в Клазоменах. Анализ техники исполнения и детальная стилистическая характеристика многочисленных сюжетов росписи позволили выявить наибольшее количество аналогий в вазописи Коринфа, преимущественно среднего периода, а также Атики, Хиоса, Эолии и североионийских центров. Новые фрагменты из раскопок Борисфена и Ольвии позволили выделить ранний период чернофигурного стиля в Клазоменах в отдельную группу — «Борисфен». Эта группа предшествовала группе «Тюбинген» и существовала в 580/570–560 гг. до н.э. без стилистической лакуны, перейдя в группу «Тюбинген». В докладе *Г. П. Гарбузова и Н. И. Сударева* (Ростов-на-Дону, Москва) «Освоение греками юго-восточной части Азиатского Боспора» на основе большого количества археологических данных, относящихся к территории юго-восточной части Азиатского Боспора, рассматривался процесс греческого освоения равнинной и предгорной частей левобережья черноморского русла Кубани (исторической Синдики) и в том числе затрагивались вопросы взаимоотношений греков с местным варварским населением. Авторы отметили, что греческое заселение и освоение территории происходили, по-видимому, в несколько этапов начиная с конца VII в. до н.э., с последовательным продвижением по берегу пра-Кизилташского лимана с юга на север и основанием поселений в наиболее удобных местах на берегу лимана в устьях рек или больших балок. В дальнейшем греческое влияние распространялось на прилегающую территорию, что выражалось в основании новых поселений и эллинизации уже существующих варварских.

С середины V в. до н.э. степень эллинизации аборигенного населения достигла такого уровня, что без масштабных раскопок сложно различить варварские и греческие поселения. Конечным пунктом на пути греческого освоения стала долина реки Чекон, где уже по крайней мере с начала V в. до н.э. существовало Семибратнее городище (Лабрис), в округе которого выявлено множество поселений, в том числе поселение Вестник 1. В ходе раскопок этого поселения открыто построенное на рубеже VI–V вв. до н.э. монументальное здание типично греческого облика, которое уверенно интерпретируется как культовое сооружение. Показательно, что относительно поздно, не ранее IV в. до н.э., греки начинают осваивать северную часть долины Кубани, основав серию поселений на Темрюкско-Курчанской гряде. В связи с последним обстоятельством в докладе поднимается тема так называемого «Кубанского Боспора». Для времен античности наличие пролива с морской водой, как его определили авторы гипотезы Кубанского Боспора, подвергается сомнению. Аргументами против существования настоящего морского пролива, помимо археологических данных, служат результаты геоморфологических исследований, в том числе новейших. В качестве альтернативного понимания античной топографии дельты Кубани авторы доклада предполагают существование на месте Кубанского Боспора обширного относительно мелководного лимана (или ряда соединяющихся лиманов), задолго до античного времени отделенного от Черного и Азовского морей косами-пересыпями. Водный режим лимана(ов) и степень его солёности определялись действием множества причин (объем речного стока Кубани, уровень моря и т.п.).

И. Поручник (Вроцлав) в докладе «Проблема интерпретации эпиграфических источников на примере культов Еврисибия и Зевса Элевтерия в Ольвии Понтийской» проанализировала эпиграфические источники IV в. до н.э., которые в свое время были исследованы Ю. Г. Виноградовым, А. А. Белецким и другими авторами. Интерпретация этих надписей часто была основана на сомнительных реконструкциях. Некоторые надписи никогда не были опубликованы как единое целое. Публиковались только фрагменты, что представляет большую трудность в их осмыслении. Автор предположила, что исследования об историчности культа Еврисибия, сына Сирикса, были основаны на преувеличении данных эпиграфических источников, которые фактически не содержат информации о причине возникновения этого культа.

Заседание второго дня конференции (председатели – С. И. Лукьяшко и А. В. Буйских) открыл доклад *С. П. Выскубова* (Саратов) «Геродот и Павсаний: проблемы структуры и композиции «Описания Эллады»», в котором были рассмотрены линии влияния «отца истории» на тексты греческих авторов эллинистического и римского времени через посредство александрийской книжной культуры. Наиболее характерный пример такого влияния – «Описание Эллады». Внимательный анализ источников позволяет выявить основные аспекты восприятия Павсанием композиционных принципов и методологических основ «Истории» Геродота. Особое внимание исследователя привлекла проблема так называемой «фронтонной» композиции сочинения Геродота. Докладчик пришел к выводу, что Павсаний действительно заимствовал принципы структурирования материала у «отца истории» и, прежде всего, «фронтонность» его труда, которая выразилась в описании Павсанием крупнейших эллинских храмов с их скульптурным декором. Именно храмы выступают в «Описании Эллады» в качестве основных композиционных узлов, а храм Зевса в Олимпии и его статуи, описанные в V книге, представляют собой вершину фронтонной композиции труда Павсания. Тема доклада *Т. Ю. Шапловой* (Саратов) – «Греческие полисы Южного Причерноморья во время восточного похода Александра Македонского». Автор отметила, что греческие полисы Южного Причерноморья остались в стороне от завоеваний Александра Македонского, но тем не менее известно о некоторых событиях, происходивших в южнопонтийских полисах во время похода Александра. Завоевание македонским царем Малой Азии привело к изменению формы правления в Амисе – в городе была восстановлена демократия (App. Mithr. 83). Изгнанники из Гераклеи Понтийской обращались к Александру с просьбой помочь им вернуться на родину и свергнуть тиранию Дионисия, однако их обращение осталось без ответа (Memn. Heracl. 4.1–3). Дольше всех верность персидскому царю сохраняла Синоп. Александр столкнулся с синопским посольством к Дарию уже после завоевания персидских столиц (Arr. Anab. III. 24. 4; Curt. VI. 5, 6–10). Известны монеты из этого города, содержащие арамейские легенды с персидскими именами. Возможно, эти монеты не были варварскими подражаниями полисным выпускам, как это обычно предполагается. Они могли быть отчеканены в самой Синопе персидскими военачальниками, организовавшими после битвы при Иссе попытку контрнаступления в Малой Азии для оплаты службы пафлагонских и каппадокийских наемников (Curt. IV. 1. 34–35; Diod. XVII. 48. 5–6).

Доклад *Л. Л. Селивановой* (Москва) «Любовное приключение в Финикии» был посвящен малоизвестному в отечественном антиковедении источнику – роману Лоллиана «Финикийская история» (вторая половина II в. н.э.), сохранившемся в папирусных фрагментах (P. Colon. Inv. № 3328). Рассматривается fr. A 2^r (так называемая «ночь любви»). В этой сцене герой теряет невинность, встретившись на празднике Аттиса, или Адониса, с девушкой Персидой, которая предлагает ему в качестве компенсации некое золотое украшение (по мнению докладчицы – ожерелье). Ситуация напоминает обычай дарить жене после брачной ночи драгоценности как приз за целомудрие (ἀνκαχαιλτήριον – первый подарок супруга у греков). Автор видит в Персиде второстепенный персонаж и считает ее поступок не реминисценцией древнего обычая, а его инверсией, который нужно оценивать сквозь призму художественного вымысла и ходячих представлений о Востоке. Изображая экзотический мир с перевернутыми ценностями, писатель в то же время мог отразить в любовном романе некоторые перемены в общественном сознании своего времени.

С. Ю. Монахов (Саратов) в докладе «Первый том каталога амфор в рамках проекта “Греческие амфоры VI–II вв. до н.э. из собраний музеев Крыма: Керченский музей”» представил вниманию слушателей результаты обработки амфорной коллекции Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Доклад *В. П. Колосова* (Санкт-Петербург) «Динамика поступления амфорной тары VI–III вв. до н.э. на Боспор Киммерийский по материалам раскопок Мирмекия» был посвящен анализу данных по амфорной таре, полученных в ходе археологических изысканий на городище Мирмекий. В ходе работ в северной части раскопа «И» при исследовании насыпи зольника 2 и нижележащей городской застройки было обнаружено огромное количество материала. Общее число находок составляет около 700 тыс. единиц, из них порядка 80% – это фрагменты амфорной тары, происходящие из 25 различных центров производства, при этом количество профильных частей сосудов превысило 30 тыс. фрагментов. Данные, сведенные в единую электронную базу, дали возможность провести анализ индивидуальных находок, а также датировать материал на основе многоуровневой классификации. Полученные результаты позволили проследить изменения процентного соотношения фрагментов амфор различных центров производства в культурных слоях от поздней архаики до эпохи эллинизма. *М. В. Иващенко* (Саратов) в докладе «Комплекс керамических клейм из засыпи балки под херсонесским театром» проанализировал клеймённый материал, обнаруженный А.А. Зедгенидзе в ходе исследования северо-западного участка херсонесского театра в 1970 и 1972 гг. В засыпи было выявлено 117 оттисков таких ведущих центров керамического производства, как Фасос, Гераклея и Синопа, чья хронология на сегодняшний день лучше всего разработана. В результате автор пришел к выводу, что в выборке имеются клейма от конца V в., до 332 г. до н.э. Это дает возможность отнести дату засыпи под театром еще к 30-м годам IV в. до н.э.

А. А. Жужлов (Саратов) в докладе «О методике создания базы данных амфорного материала» рассказал о работе коллектива авторов по подготовке каталога целых амфор из музейных собраний Крыма в рамках проекта РГНФ. При обработке материалов используется единая схема: чертежи сосудов публикуются в формате 1:10, профильные части (венцы и ножки) в масштабе 1:2, клейма – в масштабе 1:1. Дается краткое описание сосудов, приводятся метрические параметры, аналогии амфорам и клеймам, датировки по существующим типологиям. В докладе *В. П. Копылова* и *В. А. Шайгородского* (Ростов-на-Дону) «Амфорные клейма Елизаветовского городища на Дону из раскопок 2014 г.» были проанализированы клейма, в том числе, из строительных комплексов № 30, 32 и 33. Подавляющее большинство их относится к периоду от 380 до 340-х годов до н.э. Отмечается, что именно в 340-е годы в материалах скифского городища фиксируются кардинальные изменения, связанные с военными действиями, что подтверждается закрытыми комплексами катастроф. Наибольший интерес представляет собой строительный комплекс № 32, в котором уже сегодня открыто более 70 амфорных клейм и работы по его исследованию еще не закончены. В докладе *Е. В. Кузнецовой* (Саратов) «Коллекция амфор Керченского музея» был представлен анализ состава музейного собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Самые ранние сосуды (второй половины VI в. до н.э.) относятся к производству Хиоса и Лесбоса. Самые поздние экземпляры представляют продукцию Синопы конца II – начала I в. до н.э. Наибольшее количество амфор из выборки – гераклеийского производства, 85% из них имеют клейма. Единственным фрагментированным экземпляром представлена продукция Милета, а тара Херсонеса Таврического в керченской коллекции – единственным сосудом из моря. Интересно распределение амфор разных производственных центров по местам находок. Например, все амфоры типа «Муригиоль» происходят

из раскопок некрополя Тиритаки. Значительная часть тары Икоса, хранящаяся в Керченском музее, была обнаружена в комплексе 1993 г. из Нимфея. Из этого же комплекса происходят и два горла амфор Коса. Имеются в керченской коллекции и редкие экземпляры: самая ранняя из известных на сегодняшний день гераклейская амфора конца V века; сосуд так называемого «прикубанского» типа из раскопок некрополя Нимфея (на сегодняшний день это единственный экземпляр за пределами Азиатского Боспора и Прикубанья); синопская широкогорлая амфора для перевозки соленой рыбы.

Вечернее заседание (председатель – А. М. Бутягин) открыл доклад *М. Халамуса* (Вроцлав) «Варваризация государства? Сарматское влияние в Боспорском царстве». Автор отметил, что Боспорское царство представляет собой хороший пример древнего многокультурного государства, где греческие города должны были находиться в постоянном взаимодействии со скифскими и сарматскими племенами. Начиная с I в. до н.э. Боспорским царством управляла династия, чья легитимизация была связана с Митридатом. Распространение римского влияния вынудило боспорских царей искать поддержки у местных племен. Обращение к иранским традициям (языку и символике) сделало этот союз возможным и позволило представителям сарматских племен заполучить серьезные позиции в Боспорском царстве. В первые два века новой эры в боспорских городах зафиксировано появление совета – буле, что свидетельствует о том, что растущее влияние варваров в Боспорском царстве проходило одновременно с эволюцией и развитием институтов греческой полисной демократии. Тем не менее «сарматизация» Боспорского царства, как кажется, имела ограниченный характер. *Л. М. Шмелева* (Казань) представила доклад «Современные археологические раскопки Лация и древнейшая история Рима». В последнее время в Лации проводятся масштабные раскопки как отдельных памятников, так и целых поселений и городов. Они дают возможность восстановить некоторые аспекты древнейшей истории Рима и Лация: планировок и облика, а также размеров древнейших городов Лация (например Габии, Рим, Фидены и др.); восстановление культовых мест и религиозных представлений древнейшего периода истории Лация (например храма Весты, святилища Дианы Аррицийской у озера Неми и др.); восстановление этнического состава населения городов Лация по данным некрополей (например Фидены); реконструкция торговых связей между городами Лация и Этрурии (те же Фидены).

В докладе *А. Ю. Маркелова* (Москва) «Надпись АЕ 1913. № 177: к проблеме участия сената в управлении войсками в период принципата Августа» анализировался текст папируса P. Oxy 25. 2435 verso, где описывается прием императором Августом совместно с неким императорским советом в 13 г. н.э. посольства греков из Александрии. В историографии нет единого мнения о том, какой из императорских советов эпохи первого принцепса (сенатский комитет, *consilium principis* или реформированный сенатский комитет) упомянут в тексте. Автор доклада пришел к выводу о том, что в источнике идет речь о совете принцепса (*consilium principis*), который в правление первого императора не был институализирован и не имел четко очерченных функций. Рассматриваемое свидетельство показывает: несмотря на наличие в 13 г. н.э. реформированного сенатского комитета, приобретшего после реформы черты совета принцепса, последний продолжил существовать и использоваться Августом. Доклад *Б. А. Раева* (Ростов-на-Дону) «Металлическая посуда из кургана I могильника Горелый-I (Саратовская область)» был посвящен анализу части импортных предметов из сарматского кургана, раскопанного в 2003 г. в Саратовской области. Набор включал в себя сосуды широко распространенных типов, которые отличались отдельными не характерными деталями. К ним относятся оформление атташей ручек таза и амфоры, поддон амфоры, а также литые детали ручки кованого кувшина типа *Vlechkanne*. Последний по характерным признакам оформления принадлежит редкому типу, находки которого группируются в Циркумпонтийском регионе: в Керчи, Нижнем Подонье, на территории Молдовы и в Малой Азии. Тип кувшинов, к которому относится сосуд из Горелого, вслед за М. Ю. Трейстером с полным основанием можно назвать причерноморским. Б. А. Раев не соглашается с Трейстером в части датировки таких кувшинов: находки в сарматских погребениях никак не позволяют включать III век в период их не только производства, но и использования. Захоронения объединены обрядом погребения в ямах с подбоем и стандартным набором бронзовых импортных сосудов, который включает в себя таз типа Эггерс 100, *Vlechkanne*, и цедилку типа Эггерс 160. Во всех этих могилах обязательно присутствуют миниатюрные сильно профилированные фибулы, которые не дают оснований для датировки комплексов временем после середины II в.н.э. Не выходят за рамки этого времени и другие импортные изделия и предметы местного производства из Горелого, Центрального, Чугуно-Крепинки и Оланешт. Даже если высказанное ранее предположение о смешивании инвентаря двух разновременных погребений в керченском захоронении не верно,

Vlechkanne из погребения III в. н.э. — это исключение, которое можно объяснить долгим использованием кувшина в условиях городского хозяйства. Для кочевников подобные предметы «престижа» имели не столько утилитарное, сколько символическое значение и отправлялись в погребение вместе со своим хозяином.

Третий день конференции (председатели — А. В. Короленков и Н. В. Бугаева) открыл доклад *А. В. Логинова* (Москва) «Суды в микенское и гомеровское время». Автор считает, что в микенское время существовало два вида судов: общинный и царский. После гибели микенской цивилизации остались лишь общинные суды, являвшиеся органами греческих общин. В гомеровском эпосе мы видим, по большей части, описания общинных судов. Главным в таком судопроизводстве было произнесение клятв. *А. С. Саноков* (Саратов) в докладе «Персидский царь в “Греческой истории” Ксенофонта» рассмотрел вопрос о том, как Ксенофонт изобразил ахеменидского царя и его власть в «Греческой истории». Несмотря на то что в «Греческой истории» материал о царе и царской власти персов не столь богат, как в «Киропедии», «Анабасисе» или «Агесилае», в сочинении можно выделить несколько групп фактов, касающихся этой тематики. В «Греческой истории», в отличие от других своих сочинений, Ксенофонт дает мало оценок персидскому монарху и его власти. Вместе с тем сочинение содержит материал об отношении современников историка к царю персов. Материал «Греческой истории» дополняет образ царской власти Ахеменидов у Ксенофонта. *О. В. Любимова* (Екатеринбург) представила доклад «Слишком скуп на предоставление гражданства» (Cic. Balb. 50) Марк Красс и транспаданцы», посвященный конфликту М. Красса и Кв. Катула, цензоров 65 г. до н.э., по поводу гражданства транспаданцев в свете свидетельства Цицерона (Balb. 51) о том, что Красс был слишком скуп в предоставлении гражданства. Автор пришла к выводу, что господствующая в историографии точка зрения, что Красс добивался римского гражданства для транспаданцев, а Катул ему препятствовал, является обоснованной. Свидетельство Цицерона предлагается объяснять тем, что в том же 65 г. Красс поддержал Папиев закон об изгнании иноземцев из Рима, который делал исключение только для транспаданцев. Эти слова, вероятно, являются ответом на высказывания предыдущих ораторов в процессе Бальба, который обвинялся в нарушении Папиева закона и одним из защитников имел Красса. Они не имеют отношения к конфликту Красса с Катулом.

Доклад *С. Н. Ахиева* (Саратов) «Борьба за Западное Средиземноморье (42–36 гг. до н.э.)» был посвящен проблеме взаимоотношений триумвиров (Марка Антония, Октавиана, Эмилия Лепида) и Секста Помпея. Автор полагает, что все договоры, заключенные в это время (Филиппийский, Брундизийский, ПUTEОЛЬСКИЙ, Тарентский), обусловлены друг другом. Брундизийский договор Антония и Октавиана стал дипломатическим проигрышем для Антония, который он сумел отыграть, выступив в качестве фактического посредника при заключении ПUTEОЛЬСКОГО соглашения между Октавианом и Секстом Помпеем. Тарентский же договор 37 г. до н.э. является прямым следствием военно-политического союза Антония и Лепида, в результате которого Секст Помпей оказался вне интересов всех триумвиров и поэтому он был разгромлен коалиционными войсками.

А. В. Короленков (Москва) в докладе «Империй homines privati в годы гражданской войны 88–82 гг. до н.э.» рассмотрел случай предоставления империя Гаю Марию в 88 г., Фимбрии в 85 г. и Гнею Помпею в 83 или 82 г. Он отметил, что у античных авторов факт наделения соответствующими полномочиями частных лиц нареканий у античных авторов не вызывает. Сулла добился отмены назначения Мария проконсулом не потому, что тот был homo privati, а потому, что закон об этом был принят *per vim*. А. В. Короленков разделяет точку зрения Х. Муньиса Коэльо, что Фимбрия являлся не сыном или племянником консула 104 г., а сам был таковым, и ранг консулара облегчал наделение империем его и Мария, шестикратного на тот момент консула, если не в юридическом, то в психологическом смысле. Что касается Помпея, то он стал, очевидно, не проконсулом, а *legatus pro praetore*. Конечно, его возраст и отсутствие сенаторского ранга явно не соответствовали такому статусу, однако гражданская война диктовала свои условия. В докладе «К вопросу о притязаниях Цицерона на божественность» *Н. В. Бугаева* (Москва) показала, что энергичная пропаганда, которую великий оратор развернул после подавления заговора Катилины, опирается на высказанные ранее (речи «За закон Манилия», «Об аграрном законе», «За Рабирию») идеи. М. Туллий располагал готовым арсеналом лексических и иных средств для создания портретов не только злодеев, но и спасителя. В поэме «О своем консульстве» и Третьей Катилинарии Цицерон изображает себя благочестивым мудрецом во главе государства, действующим при покровительстве богов. Оратор также позиционирует себя как Сотер, ставя свои заслуги выше деяний Ромула и Помпея. Н. В. Бугаева проанализировала аргументацию

Цицерона и его концепцию «вождя в тоге», спасшего сограждан, проведя параллели с философскими трактатами 50-х годов до н.э. По ее мнению, сочинения М. Туллия 63–57 гг. до н.э. показывают, сколь глубоко идея божественного правителя пустила корни в Позднюю республику, затронув не только победоносных полководцев, но и далеких от авторитарных устремлений политических деятелей.

В докладе *Е. В. Смыкова* (Саратов) «География политическая и география поэтическая в эпоху Августа» рассматривалось употребление этнонимов мидийцы, персы и парфяне у поэтов эпохи Августа, прежде всего у Горация, употребляющего их чаще, чем все остальные поэты того времени вместе взятые. Несмотря на то что они являются синонимами и под «мидийцами» и «персами» чаще всего подразумеваются парфяне, в выборе одного из них можно усмотреть определенную закономерность. О мидийцах обычно говорится в контекстах, связанных с отдаленными восточными странами, которые склоняются перед величием Рима, наряду с серами и другими экзотическими народами; «персы» появляются в тех случаях, когда речь идет о бытовой стороне – восточной роскоши и т.п. О «парфянах» говорится преимущественно применительно к современным событиям, как о реальных противниках Рима здесь и сейчас.

В докладе *А. Б. Никольского* (Астрахань) «Римская военная элита на последнем этапе второй Пунической войны» были проанализированы события, связанные с последним этапом второй Пунической войны, а именно – битве при Метавре. В докладе рассматривались биографии римских полководцев Марка Ливия и Гая Клавдия. Исследуя источники, автор сделал вывод о противопоставлении в труде Тита Ливия битвы при Каннах и битвы при Метавре, при этом последняя воспринималась римским историком как возмездие за Каннское поражение. *С. Э. Таривердиева* (Екатеринбург) представила доклад «Агриппа получает кольцо Августа: преемник, наследник или душеприказчик». В 23 г. Агриппа получил от Августа, который думал, что умирает, перстень-печатку, тогда как государственные бумаги император передал своему коллеге-консулу Пизону. В историографии этот эпизод вызывает серьезные споры и разногласия. Одни исследователи считают, что тем самым Август явно указал на Агриппу как на своего политического преемника, другие – как на личного наследника, третьи – душеприказчика. Также высказывается мнение, что весь этот эпизод вообще неисторичен и выдуман Дионом Кассием. В докладе была выдвинута и обоснована гипотеза, согласно которой таким образом Август указывал всем собравшимся у его ложа, кого хотел бы видеть на своем месте. Но чтобы стать во главе государства законно, Агриппа должен был получить власть так же, как четырьмя годами ранее получил ее сам младший Цезарь, а десятилетия спустя Тиберий – из рук сенаторов. Именно по этой причине государственные бумаги получил не частный человек Агриппа, а коллега-консул Августа – Пизон. Передавая же прилюдно свое личное кольцо Агриппе, Август указывал на того человека, которому, по его мнению, сенаторам следовало передать власть. В то время Август не имел никакой возможности обозначить Агриппу как своего преемника публично, но примечательно, что после 23 г. Агриппа больше никогда не оставался без формальных полномочий, причем в подавляющем большинстве случаев они подразумевали командование армией.

Е. В. Ляпустина (Москва) в докладе «Album Nerculaneum между демографией и социальной историей» обратилась к эпиграфическому памятнику, давно известному и занимающему почетное место в экспозиции Неаполитанского археологического музея, который, однако, лишь в последние годы стал предметом углубленного изучения и оживленных дискуссий. Состоящая из нескольких крупных фрагментов надпись CIL X. 1403 представляет собой список из нескольких сотен имен, часть которых встречается также на деревянных табличках частного архива (ТН). Долгое время album считали списком августалов, теперь же предложен ряд иных интерпретаций, предполагающих, что это список граждан Геркуланума. Однако в этом случае требует объяснения большая доля имен, принадлежащих отпущенникам, в числе которых есть и Latini Iuniani. Возможно, объяснение самому факту составления монументального списка, следует искать в конкретных обстоятельствах восстановления города после землетрясения 62 г.

Доклад *С. В. Смирнова* (Москва) «Некоторые заметки об иконографии раннеселевкидских монет из Средней Азии» был посвящен анализу иконографических традиций в раннеэллинистической нумизматике Средней Азии. В период правления двух первых царей династии Селевкидов в данном регионе наблюдается существенный разрыв с существующей практикой чеканки монетных типов Александра Великого. Вместо них здесь появляются принципиально новые иконографические сюжеты, связанные с локальной изобразительной и мифологической

традициями. Одним из объяснений такого феномена автор считает в целом негативное восприятие жителями военных поселений Бактрии образа Александра.

В основу доклада *В. И. Кашеева* (Саратов) «Конная статуя Марка Аврелия: взгляд Иосифа Бродского» были положены эссе поэта, опубликованные незадолго до его смерти в 1995 г. и посвященные рецепции римской культуры. Конная статуя императора, которую Микеланджело Буонарроти поставил в самый центр архитектурно организованной им Капитолийской площади, служит Бродскому поводом, чтобы высказать свое восприятие античности. В своих стихах поэт осмысливает мир как единое метафизическое и культурное целое, в котором античное наследие занимает важное место. Однако и в прозе он смотрит на античность глазами поэта, художника, которому в ней открываются глубины, недоступные многим историкам и философам. Конная статуя Марка Аврелия, в восприятии Бродского, как мост соединяет два столь разные и непонятные друг другу мира – античность, которая для нас выступает как «небытие прошлого», и нашу современность, которая для античности является «небытием будущего».

На вечернем заседании (председатель – *В. И. Кашеев*) был представлен доклад *В. К. Хрусталева* (Санкт-Петербург) «Образ египетского царя Птолемея XII Авлета в речах». Автор рассмотрел свидетельства о египетском царе Птолемее XII Авлете, содержащиеся в политических и судебных речах Цицерона. Докладчик проанализировал образ египетского монарха, рисуемый Цицероном в его ораторских выступлениях, и проследил изменение этого образа в зависимости от текущей политической ситуации и конкретных целей римского оратора. Тема доклада *Зибаева А. В.* (Саратов) – «Глиняное поколение и человек из железа (Philostorg. Hist. ec. XII. 4): крушение утопии о золотом веке у Филосторгия». «Церковная история» Филосторгия (368–425) занимает особое место среди аналогичных трудов его современников: Сократа Схоластика, Созомена Саламинского, Геласия Кизикского. Автор принадлежал к религиозной группе евномиян, которые видели различие между природой Отца и природой Сына, однако уделяли большое место разуму и логосу человека в познании Бога. На протяжении всего периода античности одним из ключевых понятий культуры у греков были *κόσμος* и *φύσις*. В труде Филосторгия *κόσμος* и однокоренные с ним слова занимают небольшое место. Детальный анализ случаев употребления этого термина показывает, что Филосторгий ориентировался на сочинения Платона и Плотина. В отличие от термина *κόσμος*, который имеет строгое понятийное содержание, слово *φύσις* многозначно, отдельные значения которого зависят от контекста. Изучение словоупотреблений обоих терминов в «Церковной истории» Филосторгия позволяет увидеть здесь сильное влияние философских текстов Аристотеля, медицинских трактатов Гиппократов и Галена, а также «Естественной истории» Плиния Старшего. Таким образом, напрашивается вывод о том, что классическая философская и научная традиция оказала более сильное влияние на сочинения евномиян, чем на произведения многих других христиан того времени.

Доклады конференции вызвали обсуждение и дискуссии. В очередной раз был отмечен уникальный формат мероприятия. Участники высказали пожелание принять участие в следующей конференции в Саратове через два года.

Sergey Yu. Monakhov
monachsjs@mail.ru
Elena V. Kuznetsova
ev_kuznetsov@lit.ru

Natalia B. Churekova
nat-churekova@list.ru
Saratov State University,
Saratov, Russia

С.Ю. Монахов, д.и.н., проф.
Е.В. Кузнецова, к.и.н.
Н.Б. Чурекова, к.и.н.

Саратовский государственный университет,
Саратов, Россия